

Тяжело дыша, он шагнул вперед. Потянув воротник рубашки, он расстегнул верхнюю пуговицу.

Цзян Хуай стоял согнувшись, упершись руками в бедра. Он обернулся назад.

Примерный ученик поднялся на крышу вместе с ним. Аккуратная ветровка в руках Цзян Хуая превратилась в мятый комок: на манжетах образовались складки, капюшон сбилась набок, приминая волосы Бо Цзяня.

Цзян Хуай внезапно расхохотался:

— Кайфанул?

Председатель, впрочем, не разозлился. Он прикрыл дверь на крышу и сдернул капюшон:

— На самом деле там везде камеры, так что бежать было бесполезно.

— Тогда мог бы остаться на месте, — фыркнул Цзян Хуай. — Зачем побежал со мной?

Бо Цзянь улыбнулся, давая ответ:

— Было довольно кайфово.

Цзян Хуай редко заглядывал на крышу. Сегодня был первый раз.

Здесь регулярно убирались, так что было относительно чисто — никакого мусора, если не считать стопки старых контрольных, растрепанных ветром по полу.

Цзян Хуай вытащил пару листов, разложил их, плюхнулся на землю и, запрокинув голову, прищурился на небо.

Погода стояла прекрасная.

Бо Цзянь снял куртку, аккуратно расправил складочки на манжетах и подоле, сложил её пополам и протянул Цзян Хуаю:

— Возьмешь?

Цзян Хуай обернулся. Под курткой у Бо Цзяня оставалась только рубашка с коротким рукавом.

— Не надо, — отказался Цзян Хуай, не взяв куртку.

— Разве тебе не холодно?

— От нее пахнет твоими феромонами. Не хочу этим дышать.

Бо Цзянь больше ничего не сказал. Он просто повесил школьную куртку на локоть, тоже достал пару... пачек старых тестов, разложил их и присел рядом с Цзян Хуаем:

— Сун Цзюнь договорился встретиться с Юань Пэйай в воскресенье в два часа дня.

— Я знаю.

Бо Цзянь не стал разглагольствовать и лишь добавил:

— Всё готово.

Цзян Хуай повернул к нему голову:

— Спасибо.

— Не стоит...

— Это я от их имени.

— Понятно.

Цзян Хуай достал еще несколько исписанных листов, выстелил из них плотную подстилку и медленно лег. Он закинул голову, щурясь на солнце. Свет был слишком слепящим, поэтому ему пришлось отвести взгляд.

О некоторых вещах ему не хотелось говорить с Бо Цзянем, да и не было в этом никакой необходимости.

На самом деле он вовсе не был сильным. Он всё еще оставался слабым.

То, что для него казалось неразрешимой и тяжелой проблемой, для других — для Бо Цзяня — решалось само собой, без малейшего вреда для кого-либо. То, что мог сделать Бо Цзянь, Цзян Хуаю было не под силу.

И он вовсе никого не защищал.

В чужих глазах жертвовать собой ради того, чтобы корчить из себя «героя», выглядело невероятной глупостью.

А сам он просто поступил так, как велели эмоции, совершенно не думая о завтрашнем дне.

Цзян Хуай ненадолго прикрыл глаза и спросил:

— Бо Цзянь, если бы ты услышал у дверей клубной комнаты разговор Ни Ли и Сун Цзюня, как бы ты поступил?

Бо Цзянь посмотрел на него сверху вниз.

Он не дал прямого ответа, лишь произнес:

— Цзян Хуай, тебе не за что себя винить.

— Я и не виню, — сказал Цзян Хуай.

— Тогда ты жалеешь, что проявил героизм?

— И не жалею. — Цзян Хуай хмыкнул, открыл глаза и сел. — Можешь подобрать другое слово? Какой еще «героизм»? Не говори так, будто я благонамеренный пылкий юноша из образцовых комсомольцев, ладно?

Бо Цзянь тихо усмехнулся:

— А разве нет?

— Этот пылкий юноша только что помог тебе попасться завучу, председатель.

Бо Цзянь лишь смотрел на него:

— Если ты не винишь себя и ни о чем не жалеешь... зачем размышлять о том, как поступил бы я?

Цзян Хуай опешил и медленно нахмурился.

Он отвернулся, цокнул языком и скрывать ничего не стал:

— Думаю, ты справился бы куда лучше меня.

— Значит, ты считаешь, что сам поступил недостаточно хорошо?

Цзян Хуаю стало не по себе. Ему вовсе не хотелось открывать Бо Цзяню свое беспокойство. Они еще не были настолько близки, да и Бо Цзяню ни к чему знать, о чем он думает.

Но, быть может, дело было в прекрасной погоде, или в том, что они с председателем Бо снова вляпались в историю и теперь гарантированно задолжали объяснительную на три тысячи слов... Цзян Хуай произнес:

— Да нет... Просто чувствую себя каким-то слабаком.

Светлые глаза Бо Цзяня уставились прямо на него. Сердце Цзян Хуая пропустило удар, и он с притворным равнодушием отвернулся.

— Считаешь себя недостаточно сильным? — спросил Бо Цзянь.

— Вроде того.

— Даже младшеклассники знают, что сила и слабость относительны, Цзян Хуай, — произнес Бо Цзянь. — Каким бы сильным ни был человек, всегда найдется кто-то сильнее.

Цзян Хуай повернулся, явно недовольный:

— Я знаю.

— Самые сильные люди тоже бывают уязвимы и тоже нуждаются в чужой защите. Вместо того чтобы слепо корить себя за недостаток силы... Цзян Хуай, ты уверен, что действительно это понимаешь? — спросил Бо Цзянь.

Цзян Хуай молчал.

— Это простая истина, известная каждому ребенку.

Цзян Хуай враждебно уставился на него.

Бо Цзянь не проявил ни капли милосердия:

— Цзян Хуай, ты уступаешь даже детям.

«...» Выражение лица Цзян Хуая стало еще мрачнее.

Бо Цзянь опустил взгляд и протянул ладонь, раскрывая её перед самым носом Цзян Хуая. Его голос наконец стал тише, почти растворяясь в шуме ветра на крыше:

— Если ты считаешь, что я справился бы лучше... считай, что в этот раз я защищаю тебя.

Взгляд Цзян Хуая переключился на руку Бо Цзяня.

Он и сам не понимал, зачем откликается... но раз уж Бо Цзянь протянул руку, он лишь слегка нахмурился, поднял свою и прикоснулся к его ладони.

Бо Цзянь естественным движением сжал пальцы, обхватив руку Цзян Хуая.

Как бы Цзян Хуаю ни не хотелось этого признавать, ему действительно всегда очень нравились руки председателя Бо. Он не стал выдергивать кисть и тайком сжал пальцы председателя.

Рука Бо Цзяня казалась прохладной на вид, но на ощупь была очень теплой, с длинными пальцами и неожиданно крепким захватом.

Председатель Бо ненадолго задумался и произнес:

— В воскресенье нужно будет выйти... Может, на этой неделе обойдешься без подавителей?

Цзян Хуай всё еще сжимал его пальцы и вскинул голову:

— М-м?

Председатель Бо сдержанно и дружелюбно предложил:

— Я могу одолжить тебе временную метку.

От автора:

Председатель Бо: Это совершенно бесплатно ●°v°●

На паркур смотрите просто ради развлечения. В реальной жизни заниматься паркуром на незнакомой местности — это все равно что рисковать жизнью. К тому же физическая подготовка Альфы намного превосходит возможности обычных людей, у них ведь гон длится по несколько дней (картинка с бессвязным лепетом.jpg).

«...»

Цзян Хуай выдернул руку:

— Не нужно. Я вколю в субботу.

— А в субботу ты разве не делаешь домашнее задание? — спросил Бо Цзянь.

— Не делаю.

Бо Цзянь тихо вздохнул:

— А я думал, ты уже собрался взяться за учебу.

Цзян Хуай косо взглянул на него:

— Много думаешь.

— И когда же ты планируешь начать учиться как следует? — Бо Цзянь повернул голову и

посмотрел на Цзян Хуая. — Через две недели промежуточные экзамены.

Цзян Хуай нахмурился и с нетерпением поднялся с земли. Отряхнув брюки от пыли, он неохотно ответил:

— А тебе-то какое дело? — Он цокнул языком. — Даже если я наберу двести баллов, это не помешает тебе стать первым на потоке.

Бо Цзянь поднял взгляд:

— Разве мы не друзья?

Цзян Хуай обомлел, выражение его лица стало странным.

Бо Цзянь тихо спросил:

— Ты спишь в школе каждый день из-за подавителя типа С, верно?

Он продолжал:

— Разве тебе не больно ставить эти уколы?

Цзян Хуай пристально смотрел на Бо Цзяня, не роняя ни слова.

— Раз уж мы друзья, — Бо Цзянь опустил взгляд, — я дам тебе временную метку... Перестань колоть подавители и учись спокойно, разве это не лучше?

У Бо Цзяня от природы было невероятно обманчивое лицо. Не то чтобы оно располагало к себе — напротив, его черты внушали дистанцию, и даже при утонченных манерах в нем чувствовалась прохладная, беспристрастная строгость...

Поэтому создавалось впечатление, будто такой человек ни за что не станет опускаться до лжи.

Как правило, в период метки влияние феромонов всегда взаимно, однако по выражению лица председателя Бо Цзян Хуай никак не мог уловить хоть каких-то признаков этой «взаимности».

Казалось, будто все грязные мыслишки принадлежат только ему, а в голове председателя Бо царствует лишь учебная стратегия «Один пояс — один путь» и идея всеобщего процветания.

Цзян Хуаю стало досадно... нет, его это невероятно раздражало.

Он с минуту пристально смотрел на Бо Цзяня, но выражение лица того не изменилось:

— Что такое?

Цзян Хуай присел перед ним на корточки и прямо спросил:

— Бо Цзянь, ты хоть знаешь, насколько бурной бывает у меня реакция в период метки?

Бо Цзянь лишь слегка изогнул бровь:

— Вот как?

Цзян Хуай усмехнулся, его взгляд и тон стали ледяными:

— Больше никогда не заводи со мной разговор о метке.

— А если заведу? — спросил Бо Цзянь.

— Тогда я сочту, что ты меня соблазняешь, — отрезал Цзян Хуай. — И если я что-нибудь с тобой сделаю, пеняй на себя.

Бо Цзянь тихо выронил всего два слова:

— Например?

Спустя долгое мгновение Цзян Хуай спросил:

— Бо Цзянь, ты совсем смерти не боишься?

Бо Цзянь слегка склонил голову, глядя на него, поднял руку и потянул за косичку, спадавшую Цзян Хуаю на плечо. На его губах заиграла фальшивая улыбка:

— И что же ты можешь со мной сделать?

Это прозвучало как вызов. Вызов Цзян Хуаю: «Что ты можешь сделать?»

«Ничего ты не сделаешь, ни на что не решишься, трусишка».

<http://bllate.org/book/18377/1766587>